

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 930

В.М. Соловьев

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АКТИВ

Дан обзор историографии культуры Русского зарубежья и отражено состояние изучения этого сегмента отечественной исторической науки. Наряду с обзором основного ресурса источников и литературы по теме уточняется предметное поле изучения культуры Русского зарубежья, заостряется внимание на эпистемологической стороне проблемы, которая соединяет в себе историко-культурную реальность и ее репрезентацию.

Ключевые слова: культура Русского зарубежья, историография культуры, источниковедение культуры, самоидентификация культуры, историографический дискурс, культурологический дискурс, историософия, психоистория.

Русское зарубежье – явление сложное, много-составное, представляющее собой, по сути, целый русский мир вне России. Естественно, что как объект изучения оно тоже отличается повышенной сложностью и особой спецификой. Ведь в нем переплелись воедино политика, идеология, экономика, религия, наука, литература, искусство и т.д. – все сферы человеческой деятельности, которые тесно связаны между собой и влияют друг на друга, поэтому даже чисто науковедчески трудно выделить в качестве доминанты этого изучения только историю и исторические аспекты, поскольку в одной связке с историей находятся география, политология, социология, психология, культурология. Исследование Русского зарубежья на современном этапе в идеале должно носить междисциплинарный характер и осуществляться в симбиозе разных наук.

Та же специфика относится и к культуре Русского зарубежья, причем независимо от толкования самого понятия «культура», тем более что историография в сегодняшнем понимании не ограничивается лишь рассмотрением исторической литературы по какому-то вопросу, проблеме, периоду, а давно вышла за эти традиционные в прошлом рамки. Особенность историографии как науки обусловлена тем, что она сформировалась и развивается на стыке исторического сознания и исторического познания с целым рядом других, причем не только смежных наук. Основное функциональное предназначение историографии – идентификация историей самой себя. В известном смысле историография – это сложившаяся научная система самооценок, без которой невозможно развитие исторической науки как таковой [1. С. 11].

Л.П. Репина пишет: «Современная историографическая ситуация создала условия для появ-

ления нового исследовательского поля, связанного с изучением исторического сознания, исторической памяти и исторической культуры. Это направление исследований опирается на анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включая и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание. Именно в таком ракурсе изучаются ментальные стереотипы, исторические мифы, механизмы формирования, преобразования и передачи обращенной в будущее исторической памяти поколений – совокупность привычных восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов рационализации последнего в «ученой культуре». Причем историческая память рассматривается не только как один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и как важнейшая составляющая самоидентификации индивида, группы и общества в целом. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [2. С. 4]. Таковы отправные методологические соображения и теоретические позиции при подходе к историографии как Русского зарубежья в целом, так и культуры Русского зарубежья в частности.

Посвященная культуре Русского зарубежья литература составляет сейчас внушительный массив, но при этом создалась ситуация, когда отсутствует специальное историографическое исследование по этой проблематике и опубликован лишь

ряд статей и обзоров, фиксирующих, как продвигалось и продвигается изучение культурной жизни русских диаспор и землячеств в разных странах мира. Отдельная линия историографии культуры Русского зарубежья практически только начала намечаться [3–5], и вплоть до настоящего времени в чистом виде она отсутствует, входя в историографические труды, посвященные истории Русского зарубежья в целом или тем или иным аспектам, тематическим блокам, проблемам и вопросам его прошлого и настоящего. При этом в сферу внимания попадает круг научной литературы, отражающей культуру Русского зарубежья с 1917 г. по современность и не включающей предшествующие периоды, что объясняется пока сравнительно малым и редким обращением отечественной историографии к ранней истории Русского зарубежья и сосредоточением ее внимания главным образом на XX столетии.

Емкость термина «историография» и многозначность его толкования требуют уточнить, что здесь не оспаривается вполне представительная как в количественном, так и качественном отношении разработка обширного спектра тем, связанных с культурой Русского зарубежья. Это уже отмечено в литературе, и нет необходимости еще раз возвращаться к сказанному [6; 7. С. 84].

Культура Русского зарубежья занимает в интеллектуальном пространстве не только России, но и всего мира заметное место. Ей принадлежит видная роль в иерархии ценностей современной культуры. Это предъявляет и соответствующие требования к историографии культуры Русского зарубежья. Логично, что она выстраивается симметрично важному домену и равноценной составной части отечественной культуры, которая стала реальностью вне России. Таким образом, историография культуры Русского зарубежья – это целое направление исследований, которое опирается на анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте философии, историософии, социальной психологии. Представляя собой научную целину, новое исследовательское поле, проблема историографии культуры Русского зарубежья предполагает решение целого комплекса задач от исследования собственно конкретных трудов и публикаций до изучения общественной мысли, социального опыта, психоистории, исторической ментальности, а также отдельных артефактов и общих процессов духовной жизни Русского зарубежья, включая и такую важную составляющую, как теоретическое, идеологическое и обыденное сознание. В рамках указанной проблемы большой интерес представляет предметное рассмотрение

ментальных и культурных стереотипов, символов, мифов, а в перспективе – феномена исторического сознания Русского зарубежья, которое, безусловно, является уникальным.

Источниковой основой по историографии культуры Русского зарубежья стал целый комплекс литературы, который включает по меньшей мере свыше 200 названий и распределяется по следующим группам: материалы личного происхождения (письма, записки, мемуары, дневники); материалы эмигрантских общественных организаций, сообществ, программные документы политических партий объединений и союзов в изгнании, сочинения (включая политические работы и научные труды) представителей российской эмиграции; материалы эмигрантской периодики и нерегулярных изданий, библиографии; справочно-энциклопедическая литература; научная литература (монографии, диссертации, материалы научных форумов и конференций, статьи, рецензии и т.д.); учебная, популярная, познавательная, пропагандистская и т.п. литература; художественные и публицистические произведения; прочие материалы (рисунки, живопись, графика, фотографии, фильмы).

Круг историографических источников по культуре Русского зарубежья не исчерпывается перечисленными. В ряде случаев несомненный интерес могут представлять статистические материалы. Так, в специальных справках, сводках, обзорах Земгора зафиксированы, например, не только данные о количестве русских школ и учащихся в тот или иной период в той или иной стране, но и сведения об общей атмосфере в русской диаспоре, о возникающих проблемах, противоречиях, конфликтах. Земгор – Земско-городской комитет помощи российским гражданам – общественная организация русских эмигрантов за рубежом, осуществлявшая культурно-просветительную работу в разных странах и субсидировавшая целую сеть русских средних и высших учебных заведений и культурных учреждений. Не заслуживает пренебрежительно-скептического отношения заключительная группа источников, обобщенно поименованная выше как прочие. Всё, что наглядно сохранено и зафиксировано из русской жизни в зарубежье в картинах и набросках художников, фотоили экранном (документальное и игровое кино) ряду, в музыке, театральном искусстве, образцах творчества мастеров русской моды за границей, тоже имеет несомненную историографическую ценность. Каждая из перечисленных групп представлена впечатляющим массивом объемных (нередко многотомных) книг. Так, например, обширный класс спра-

вочно-энциклопедической литературы достаточно проиллюстрировать фундаментальным справочником «Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция» [8, 9].

Письменные и печатные источники по Русскому зарубежью относятся к разряду, известному в источниковедении как исторические традиции. Они включают: исторические труды, описания с мест событий, воспоминания, записки очевидцев, письма, материалы периодической печати, литературные произведения. Они разновелики по объему, неравноценны в плане содержащейся в них информации, неодинаковы в ее освещении и подаче. Источники данного вида принято подразделять на собственно исторические источники и исторические исследования. Отнюдь не смешивая их, автор, однако, считает, что они весьма близки, поскольку даже такие классические из них, как письма и мемуары, это не просто носители исторической информации в чистом виде, но и памятники человеческой мысли, которые, как и научные исследования, позволяют судить об уровне развития не только исторических, но самых разных знаний. В то же время некоторые исследования в отдельных своих фрагментах выполняют роль первоисточников, так как основаны на пережитом, испытанном, увиденном самими авторами или вобрали в себя данные, заимствованные из первых рук у сведущих и компетентных лиц.

Важная часть источников – архивные документы: рукописи частного порядка, неопубликованные научные труды, рабочие наброски, отзывы, тексты выступлений, лекций, тезисы для дискуссий, но в большинстве своем – письма. И обычно во всем этом содержатся различные умозаключения, наблюдения, оценки, представляющие безусловный интерес. Яркая и примечательная разновидность источников – памятники устного народного творчества, которые также рассматриваются как существенный элемент исторических знаний. Фольклорные произведения резко отличны от всех прочих источников своей образностью, точностью, демократичностью. Будучи по преимуществу интеллигентским, эмигрантский фольклор зачастую лишен привычной пронародной социальной ориентации. Однако он пока еще толком не собран, не сгруппирован и не изучен.

Репрезентативность и разнообразие обозначенного круга источников являются гарантом отражения всей полноты научной картины развития историографии Русского зарубежья. При этом каждый тип источника, бесспорно, требует своего подхода, избирательной методики и высокой профессиональной культуры работы с ним.

В задачу автора не входит характеристика обширного свода разного рода работ, многочисленных сборников, антологий, хрестоматий, словарей, энциклопедий, которыми располагает современная историография культуры Русского зарубежья. В начале настоящей статьи уже было отмечено, что изучение этого феномена подпадает под расширительное толкование историографии.

Обычно источники и историография Русского зарубежья ассоциируются с исходом из России после Октябрьской 1917 г. революции огромной массы соотечественников. Но история Русского зарубежья началась не в начале XX в., а гораздо раньше. Первые летописцы Русского зарубежья – это люди, решившие изложить известные им факты и события, связанные с собственным долгосрочным или постоянным пребыванием за пределами России. Как правило, в их записках, дневниках, воспоминаниях получала отражение и разного рода культурная информация, впечатления об увиденных достопримечательностях, памятниках, людях науки, литературы и искусства. Их сочинения, часть которых носит повествовательный, другая – эпистолярный характер, не назовешь ни чисто историческими, ни философскими, ни публицистическими, однако именно ими отреагировали оказавшиеся в силу разных причин и обстоятельств за рубежом известные и анонимные (не установленные) авторы на жизнь вне родины.

Определить, где проходит грань, отделяющая исторический источник от историографического, не всегда просто, поскольку порой один и тот же памятник выступает в обоих качествах. Хорошо известны такие сочинения, как хождения, или хождения – путевые заметки. Они появились еще в X–XI вв. в Древней Руси и уже тогда как особый жанр литературы пользовались большой популярностью. Знаменитому «Хожению за три моря» Афанасия Никитина предшествовали «Хождение игумена Даниила» (вторая половина XI – начало XII в.) и «Паломник» Добрыни Ядрейковича (самое начало XIII в.). Первый памятник представляет собой нечто вроде путеводителя по святым местам Палестины, второй – посвящен православным достопримечательностям Константинополя. Авторы названных записок, конечно, не эмигранты, а паломники, однако путешествия, жизнь на чужбине открыли им другие страны, народы, нравы, что отложилось в памяти, оказало влияние на взгляды этих людей, расширило их кругозор, стало достоянием тех, кто прочел эти книги, подготовило почву для новых дальних странствий. Даниил провел в Палестине 16 месяцев и очень точно воспроизвел многое из того, что увидел. В сообщен-

ных им сведениях значительная доля принадлежит культурной информации, степень доверия к которой, как и к прочим данным, весьма высока. Автор твердо придерживался собственного правила: «Писать надо о том, что видел и слышал сам: не хитро, но просто». Эту группу источников продолжают памятники более позднего времени, среди которых для примера достаточно назвать «Прения» и «Проскинитарий, или Поклонник» келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова (в миру Антона), который с 1649 по 1654 г. совершил четыре путешествия к христианским святыням на Афон, в Константинополь, на греческие средиземноморские острова, в Египет и Иерусалим. Из паломничества на Святую землю он вывез по поручению Никона большую модель иерусалимского храма Гроба Господня, послужившую позднее наглядным образцом при возведении храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме под Москвой.

Историческим и историографическим источником являются записки россиян, предпринявших заграничные поездки в XVIII–XIX вв. Их большую серию открывают «Письма русского путешественника» 23-летнего Н.М. Карамзина (1793 г.) и «Записки первого путешествия» (известны также под названием «Письма из Франции») Д.И. Фонвизина (выборочно публиковались с 1798 по 1817 г.). 10 писем Д.И. Фонвизина, отправленные им другу П.И. Панину и другим адресатам, не ограничиваются только рассказом о пребывании в Монпелье и Париже, но и содержат также впечатления об Ахене, Баден-Бадене, Дрездене, Вене, Риме, Милане, Варшаве. Тот и другой свидетельствуют о том, что соотечественники, долго или коротко пребывающие за рубежом, чувствуют себя там свободно, уверенно и непринужденно, без затруднения изъясняются на разных иностранных языках, но при этом сохраняют определенную культурную автономию и при случае всячески подчеркивают свою гражданскую принадлежность, не пытаясь выдавать себя за европейцев. Напротив, хорошо прослеживаются национальная солидарность и земляческий дух. «Русских здесь (во Франции) множество, – пишет Д.И. Фонвизин, – но все живут, как одна семья...». Оба названных писателя делятся не только впечатлениями о тех или иных странах, их природных и культурных достопримечательностях, нравах и обычаях местного населения, но обращают внимание и на то, как себя ведут и проявляют за границей компатриоты, каков их образ жизни, привычки, интересы, увлечения, круг связей, настроение, мироощущение, состояние умов, моральное самочувствие, насколько они вписываются в западную

жизнь и насколько выпадают из нее. Н.М. Карамзин еще в начале своего сочинения оспаривает распространенную тогда среди западноевропейских авторов путеводителей обязательную манеру «говорить с осторожной разборчивостью какого-нибудь придворного, окруженного такими же придворными, или профессора в шпанском парике, сидящего на больших, ученых креслах. – А кто, – полемически заостряет он свою позицию, – в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих «Писем», советуя читать Бишингову «Географию». Антон Фридрих Бишинг (более точно – Бюшинг), которого имеет в виду Карамзин, – гамбургский географ (1724–1793), с 1760 г. живший и работавший в России. Ему принадлежат получившие широкую известность (были переведены и на русский) труды «Руководство к познанию географического и политического состояния европейских государств и республик», «Сокращенная география» (обе 1766 г.), десяти томные историко-географические очерки, посвященные странам Европы и Азии, и другие работы. Эти и подобные книги не устраивают Карамзина сухостью, усредненностью и скованностью изложения, наукообразным подходом, обилием ненужных подробностей, перегруженностью цифрами, вычислениями, математическими выкладками.

После Карамзина и Фонвизина жанр литературных путешествий нашел продолжение в произведениях публициста, издателя, мемуариста Н.И. Греча «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию, 1835» (1837 г.), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839 г.), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843 г.), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847 г.) и в очерках писателя, переводчика, литературного критика В.П. Боткина «Письма об Испании» (1847–1849, 1851, 1857 гг.). Перемещаясь по городам и странам, они предлагали разделить с ними их заинтересованный и пристальный взгляд на мир, который и похож и не похож на наш, российский, заставляли задуматься и найти ответы на вопрос, в чем немцы, англичане, французы, итальянцы, испанцы не такие, как русские, характером, поведением, вкусами, пристрастиями и чем русские, оказавшись в заграничной обстановке в иных, чем дома, обстоятельствах, выделяются и не сливаются с местными жителями.

Как общеисторический и историографический источник путеводители по тем или иным странам составляют большой и интересный комплекс, который лишь частично и поверхностно исследован,

а по тематике, касающейся истории и культуры Русского зарубежья, в том числе в историографическом аспекте, пока почти не затронут и ждет своего часа. Сегодня нет сомнения в том, что любые артефакты – полноправный исторический и историографический источник [7. С. 87]. Вполне очевидно, что огромный парк артефактов культуры Русского зарубежья тоже входит в историографический актив. Как известно, в любом памятнике культуры закодировано гуманитарное содержание, представляющее историографический интерес. Естественно, что такого рода памятники все больше и больше привлекаются в качестве источников. Траектории источниковедения культуры и источниковедения истории в последнее время многообещающе сблизились [7. С. 87].

При исследовании историографии культуры Русского зарубежья правомерно выделить такую группу источников, как духовные конструкты, оперирование которыми утвердилось в современной науке. Мало того, несмотря на то, что источниковедение культуры – сравнительно новая специальная дисциплина, которая развивается на стыке исторической феноменологии и культурологии и характеризуется повышенным вниманием к фактам реального сознания той или иной исторической эпохи, она уже опирается на духовные конструкты как на базовые единицы, равноценные по своей источниковой емкости нарративным или вещественным памятникам [10]. Под духовным конструктом понимаются тексты культуры как социально значимые носители, сохранившие для нас факты и явления реального сознания. То есть это такие источники, которые стимулируют культурную идентификацию в разных ее видах и проявлениях (самосознание и самоидентификация, национальное самосознание, пробуждение рефлексии и т.п.). При этом при исследовании духовных конструктов приоритетны не гипотезы, домыслы, интуитивно-чувственные ощущения и прочая эмпирика, а опыт непосредственного наблюдения источниковой реальности.

Ведущее место применительно к историографии культуры Русского зарубежья, особенно послеоктябрьского периода, по-прежнему сохраняется за публицистическим и философско-религиозным наследием русской эмиграции, которое в последнее время пополняется новыми находками и публикациями [11]. В золотой фонд культуры Русского зарубежья вошли произведения многих отечественных писателей и мыслителей в изгнании. На их страницах аккумулировано время, события, люди, драматизм пережитых испытаний. Достаточно назвать речь И.А. Бунина, произне-

сенную им в Париже 16 февраля 1924 г., или книгу И.А. Ильина «Путь духовного обновления» (1935 г.).

История русской эмиграции и Русского зарубежья постепенно выстроилась в сплошную линию. Работы В.М. Кабузана, Н.Л. Пушкаревой, В.Я. Гросула устранили зияющий зазор между заграничными колониями и поселениями русских до и после 1917 г. [12–14] Если учесть, что в советское время послеоктябрьской российской эмиграции приписывалась сугубо отрицательная роль как деструктивной силе, объявившей войну большевистскому режиму, то сейчас ее созидательная роль в отечественной науке не только не оспаривается, но и предметно исследуется и широко освещается. Выявление новых фактов и уточнение неизвестных или малоизвестных сторон культурной жизни Русского зарубежья набрали в современной историографии обнадеживающие обороты, причем сопровождается это критическим выявлением различных воззрений, оценок и суждений по тем или иным вопросам, отличается смелым расширением спектра методов и приемов исследования, оперированием оригинальными, не примелькавшимися эстетическими и идеологическими критериями. Интересно, что среди авторов работ такого рода, как правило, задают тон не столько историки, сколько литературоведы, социологи, лингвисты, философы. Достаточно показательны в этом отношении монография Т.В. Марченко «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)» или социально-историческое исследование Т.И. Ульянкиной «"Дикая историческая полоса..." Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950)» [15, 16]. Историографический взнос филологов, искусствоведов и других ученых гуманитарных специальностей в изучение культуры Русского зарубежья не менее значим, чем работы собственно историков.

Междисциплинарность при изучении культуры Русского зарубежья уже приобрела признаки исследовательской парадигмы. И в дальнейшем синтезирование гуманитарного знания, практика заимствования историками, филологами, культурологами, психологами друг у друга исследовательского инвентаря обещают утвердиться как норма. Транс- и полидисциплинарность – не показатель утраты той или иной наукой своего места и размывания профессионального статуса, границ предметности. Напротив, интеграция и конструктивный диалог смежных или даже на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга, но ситуативно (при решении сходных конкретных задач и реализации общей цели) однонаправленных наук

представляются в высшей степени целесообразными, ибо изоляция историка, социолога или политолога только в узкоотраслевых рамках, конечно, ограничивает аналитическое мастерство ученого, замыкая его в традиционном локальном пространстве, не выводя саму технику и культуру исследования на перекрестки интеллектуальных полей и, стало быть, на качественно новые уровни. Образцом современного гуманитарного подхода к проблемам истории и культуры Русского зарубежья вполне может служить монография В.Е. Колупаева «Русские в Магрибе» [17]. Автор указанной книги «работает» и историком, и географом, и психологом, и культурологом, и религиоведом, и это лишь повышает уровень его труда. То же самое можно сказать об упомянутых выше работах А.В. Квакина, в которых он демонстрирует высокую квалификацию не только как историк, но и как специалист по психологии, историософии, культурологии.

В эпистемологическом аспекте, т.е. с точки зрения теории познания, накопленный при изучении культуры Русского зарубежья историографический опыт представляет интерес оптимальным сочетанием реконструкции и осмысления историко-культурной реальности и ее репрезентации. И самоидентификация культуры в данном случае органично дополняет самоидентификацию истории, придавая отдельно взятой историографии даже не стерео-, а квадроэффект, поскольку историографический дискурс сопровождается еще и культурологическим и межкультурным. Другими словами, историография культуры Русского зарубежья не дистанцируется от исторических и философских концепций, от комплексных выражений мысли и слова, скрытых связей между идеями, обычаями, традициями, объединяющими личность и общество, а включает в себя изучение социально обусловленной системы речи, действия, образов, отраженной в культуре [18. С. 60, 118]. При этом артефакты выступают в качестве своеобразных маркеров, метящих изучаемый мир как знаковые памятки и в этом смысле берущих на себя роль исторических и историографических источников.

Являясь составной частью отечественной историографии, историография истории и культуры Русского зарубежья имеет свою специфику. И одна из существенных ее особенностей заключается в том, что она представляет собой открытое пространство, не замутненное стереотипами, шаблонными подходами и клишированными моделями и благоприятное для инновационных интерпретаций и плюрализма взглядов. Отсутствие прецедентности в данной области освобождает исследовательское сознание от давления уже сложившейся ис-

ториографической традиции, от груза отживших, морально устаревших концепций, навязывания апробированных авторитетных мнений.

Другая важная особенность историографии культуры Русского зарубежья видится в тенденции исследовать материал с позиций эпистемологии, или знания как такового, его, если можно так выразиться, морфологии, анатомии и развития. Притом объектом специального аналитического интереса является сам исследователь как носитель определенного объема знаний, профессиональных умений, навыков, типа и культуры мышления, рассматривающий под тем или иным углом исходный материал. Справедливости ради необходимо отметить, что подобная историографическая основа изучения профессиональных судеб ученых-эмигрантов была заложена представителями русского научного зарубежья еще в 1920-е гг. [19], а в наши дни нашла продолжение и развитие. Одним из первых в новейшей российской историографии попытку такого подхода при создании серии научных биографий (всего 90 чел.) осуществил В.Т. Пашуто [20. С. 45–54], а из современных научных работ в числе прочих свежим историографическим осмыслением выделяются три монографии М.Г. Вандалковской [21–23]. Прогрессирующее историографическое мастерство автора этих работ проявляется в привлечении личных архивных фондов изучаемых историков, материалов периодической печати, воспоминаний третьих лиц, откликов современников, во внимании к окружающим интересующих персоналий мелочам, вплоть до мира вещей. И вся эта богатая историографическая палитра помогает исследователю крупным планом показать личность в контексте истории, на фоне своей эпохи, конкретных примет времени, создать бесспорно яркие научные портреты и биографии, отображающие внутренний мир человека, его эмоциональную жизнь, искания ума, сердца, духа, поведение в кругу семьи и вне дома, взаимоотношения с друзьями, коллегами и т.п.

Наметилась и еще одна конструктивная линия изучения культуры Русского зарубежья. Это преломление отечественной культуры через артефакты страны пребывания. Рассеяние по миру эмиграции из России, как известно, приняло всеохватный характер и распространилось на все обитаемые части планеты. Реакция изгнанников на инокультуру была самой разной от постепенной ассимиляции или пассивного сосуществования с ней при нейтральном неприятии до культурушока, активного отрицания и нарушения обыденной коммуникации. Представление об этой историографической линии дает цикл статей И.О. Ермаченко,

посвященных проблеме погружения отлученных от родины русских в чужую, незнакомую им культурную среду, образам зарубежья и инокультурным рецепциям в русской культуре [24–27]. К числу наиболее историографически значимых научных работ последних лет относится монография Е.И. Пивовара «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии» [28] с отдельной главой, в которой исследуется культурное пространство и культурный потенциал всей совокупности русских диаспор и социально-культурных групп за границей [28. С. 408–444].

С учетом представленных доминирующих тенденций перспективы развития историографии культуры Русского зарубежья видятся, во-первых, через ее осмысление и изучение современниками и потомками с акцентом на когнитивный аспект (феномен человеческих желаний и устремлений и степень их воздействия на общество); во-вторых, через включение в поле исследования многообразных историко-культурных источников, представленных широким кругом артефактов; и, в-третьих, через ее включение в историографию мировой культуры, поскольку она вместе с самой русской культурой преодолела локальный формат и начала встраиваться в глобальную сетевую структуру общечеловеческой культуры. В то же время автор понимает, что при общем снижении в современной России культурных запросов и интереса к культуре внимание к Русскому зарубежью, к сожалению, преходяще и имеет скорее символическое значение, чем серьезные теоретические и практические последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.М. Этюды по русской историографии. М.: Университет истории культуры, 1998.
2. Репина Л.П. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // *Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры* / Под ред. Л.П.Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007.
3. Квакин А.В. Изучение истории российской интеллигенции рассеяния: современные проблемы // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. научн. тр.* / Отв. ред. В.С. Меметов. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1996. С. 61–71.
4. Квакин А.В. Исход российской интеллигенции: проблемы изучения // *Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. научн. тр.* / Отв. ред. В.С. Меметов. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1996. С. 32–39.
5. Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции: некоторые проблемы изучения // *Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века): тез. докл. и сообщ. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 9–13.
6. Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
7. Соловьев В.М. Культурология и история: диалог учебных дисциплин // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Вып. 569. Философия и культурология.
8. *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940.* Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995–1997.
9. *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975.* Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4 (5–8). М.; Paris: Русский путь; YMCA-Press, 2000–2002.
10. *Источниковедение культуры* / отв. ред. А.Л. Юрганов. Вып. 1. М.: РГГУ, 2007. 383 с.
11. *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына* / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2010. 624 с.
12. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. 270 с.
13. Луикарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 53–69.
14. Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.
15. Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Bohelau Verlag Koln Weimar Wien, 2007. 626 с.
16. Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010. 640 с.
17. Колупаев В.Е. Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке. М.: Пашков дом, 2009. 416 с.
18. Соловьев В.М. Культурология: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006.
19. Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002.
20. Пацуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе // *Славяноведение*. 1993. № 4.
21. Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.
22. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
23. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М.: Русский путь, Библиотека фонд «Русское зарубежье», 2009. 430 с.
24. Ермаченко И.О. Япония и Китай в русской прессе 1904–1905 гг.: динамика образов в контексте общественной самооценки // *Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Материалы международной научной конференции*. Уфа, 2002. С. 145–149.
25. Ермаченко И.О. От «врага на Востоке» до «врага на Западе». Китайские стратагемы русского постмодерна: исторический контекст // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*. 2003. № 3(29).
26. Ермаченко И.О. Деньги, война и мораль: вид с сопки Маньчжурии. («Свои» и «чужие» в оценке русской прессы 1904–1905 гг.) // *Экономика и право в зеркале культуры (Россия и Запад): Материалы международной научной конференции*. СПб., 2003.
27. Ермаченко И.О. Интеллектуальная история и мир вещей: китайская и японская предметная среда в русских корреспонденциях из Маньчжурии (1904–1905 гг.) // *Мир Клио: Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной* / под общ. ред. А.Г. Суприянович. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 310–333.
28. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546 с.